

**МГУ имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2021:
ТЕЗИСЫ**

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
«РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»**

**МОСКВА
2021**

Содержание

<i>Белова Т.Н.</i> Р. Герра – коллекционер архивов и книг представителей «первой волны» русской эмиграции	3
<i>Громова М.М.</i> «Голубой заяц» Душана Радовича: история переводов на русский язык	4
<i>Злочевская А.В.</i> Еще один шиллеровский мотив в «Братьях Карамазовых»: Франц Моор – Смердяков (опыт контактно-типологической параллели)	5
<i>Моисеева В.Г.</i> Герой и автор в романе М. Елизарова «Земля»	6
<i>Певак Е.А.</i> Этика и эстетика в современной русской литературе	7
<i>Розинская О.В.</i> Русско-польский культурный диалог в межвоенное двадцатилетие: Варшавский круг Д.В. Философова	8
<i>Сорокина В.В.</i> Жанровые модификации современной прозы о живописцах	9

Т.Н. Белова
канд. филол. наук,
ст. научный сотрудник

**Р. ГЕРРА – КОЛЛЕКЦИОНЕР АРХИВОВ И КНИГ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ» РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ**

В докладе рассмотрена история приобретения французским славистом наиболее ценных материалов литературно-художественного наследия русского зарубежья во Франции. Волею обстоятельств с детских лет Р. Герра был причастен к духовному миру русской эмиграции и на протяжении 1950–1960-х гг. блестяще овладел как русским языком, так и русской классической литературой под руководством ее представителей: В.П. Рассудовской, Е.Л. Таубер и др., затем был литературным секретарем Б.К. Зайцева, по творчеству которого защитил магистерскую диссертацию в Сорбонне, а в начале 1980-х и докторскую. Войдя в круг эмигрантских писателей и художников в начале 1970-х гг., он активно участвовал в организации Медонских литературных вечеров под председательством Ю.К. Терапиано, предоставив русским писателям для творческого общения свою квартиру в Медоне и записывая их выступления на пленку. Будучи профессором Парижского университета, он первым из французских исследователей в середине 1970-х стал читать лекции о творчестве периода эмиграции Б.К. Зайцева, И.А. Бунина, И.С. Шмелева. Сам он очень многое почерпнул у людей такого литературного и культурного масштаба и состоялся не только как филолог-славист, но и как знаток-искусствовед, общаясь с художниками Ю.П. Анненковым, С. Шаршуном, М. Шагалом и др.

В целом архив Герра насчитывает несколько десятков тысяч единиц хранения, в том числе это полный архив Г.Н. Кузнецовой, материалы из личных архивов и книги И.А. Бунина с его автографами, Б.К. Зайцева, И.В. Одоевцевой, Ю.П. Анненкова, Г.В. Адамовича, тысяча писем А.М. Ремизова, около двух тысяч неизвестных писем К.Н. Бальмонта, неопубликованная любовная переписка В.В. Набокова и еще 40 тысяч книг с авторскими автографами.

Собрание русской живописи Герра составляет 5 тысяч живописных работ, в том числе картин, рисунков, эстампов, коллажей и графики Ю.П. Анненкова, А.М. Ремизова, З.Е. Серебряковой, Н.С. Гончаровой, А.Н. Бенуа, В.А. Серова, С. Шаршуна, М. Шагала и др.

В 1970-е гг. почти все русские книгоиздательства в Париже закрылись, и Герра с просветительской целью организовал в 1980 г. свое собственное издательство русской литературы «Альбатрос», в котором издавал произведения близких ему авторов и друзей: стихи Е.Л. Таубер, прозу С.И. Шаршуна, мемуары графа И. Шувалова, Б. Зановича, поэзию А. Величковского, И. Одоевцевой, книги Б. Зайцева и др. Он издал 40 книг о русской эмиграции, 350 статей о русских писателях, художниках, философах, артистах, а также выпустил целый ряд своих исследований о русских писателях и художниках. Также его книги по данной тематике выходили начиная с 1990-х гг. в Москве и Петербурге. Так, в 2020 г. в Москве на основе своей

коллекции Р. Герра выпустил прекрасно изданную объемную книгу «Культурное наследие зарубежной России» (920 с.).

*М.М. Громова,
мл. научный сотрудник*

«ГОЛУБОЙ ЗАЯЦ» ДУШАНА РАДОВИЧА:
ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

После завершения советско-югославского конфликта 1948–1953 гг. в советских изданиях для детей впервые появляются произведения югославских писателей и поэтов. Активно публикуются и переводятся рассказы, повести, романы, сказки, стихотворения для детей, созданные в Югославии. Среди них наиболее часто печатаются произведения Йована Йовановича-Змая, Драгана Лукича, Десанки Максимович, Миры Алечкович, Душана Радовича, Григора Витеза.

Среди произведений для детей, созданных в Югославии, наиболее часто публиковалось на русском языке стихотворение сербского писателя, поэта, журналиста и радиоведущего Душана Радовича (1922–1984) «Голубой заяц» (Плави зец). Стихотворение популярно на родине, по нему написана песня и снят мультфильм. Сюжет его прост: охотник поймал удивительного голубого зайца, чтобы подарить его детям, но у самого дома заяц попросил выпустить его, чтобы привести себя в порядок, – и удрал. На русском языке существуют три перевода «Голубого зайца».

Первый перевод принадлежит поэту, детскому писателю, переводчику, краеведу, члену Союза писателей СССР Леонарду Ивановичу Кондрашенко (1930–2002). В 1966 г. он был опубликован в журнале «Мурзилка», а через двадцать лет, в январе 1986 г., в исполнении Николая Литвинова и Людмилы Шапошниковой прозвучал в одном из семи выпусков радиоспектакля «Сказки морозного оконца».

Уже через два года, в 1968 г., появился перевод талантливой детской писательницы, поэтессы, сказочницы, переводчицы Татьяны Константиновны Макаровой (1940–1974). Он вошел в поэтический сборник Душана Радовича «Голубой заяц». В 1974 г. «Голубой заяц» в переводе Т. Макаровой (единственное стихотворение Радовича) вошел в сборник зарубежной поэзии для детей «Поезд стихов», а в 1980 г. – в сборник современной и зарубежной поэзии для детей «Мой дом» (где это также единственное стихотворение Радовича) и в авторский сборник Т. Макаровой «Тайный маленький дом». К этому времени переводчицы уже не было в живых. В 1985 г. «Голубой заяц» опубликован в журнале «Веселые картинки», а в 1986 г. вошел в диафильм по детской поэзии Душана Радовича «Если семь веселых ребят...».

С 1967 г. югославскую детскую литературу переводит поэт, писатель, драматург, переводчик Леонид Львович Яхнин (1937–2018). К поэзии Душана Радовича он обращается в 1971 г., но «Голубой заяц» в его переводе выходит лишь в 1986 г. в составленном и переведенном им сборнике стихов югославских поэтов «Давайте расти!».

После распада СССР издание детской поэзии югославских авторов на долгое время прекратилось. В три антологии сербской поэзии (2004, 2011, 2012), составленные докт. филол. наук А.Б. Базилевским (1957–2019), «Голубой заяц» не вклю-

чен, хотя другие детские стихотворения Душана Радовича в них представлены широко.

Однако «Заяц» продолжает жить.

В 2016 г. «Голубой заяц» в переводе Л. Кондрашенко вошел в одну из книг ретроспективной серии «Читаем с Мурзилкой» московского издательства «Три-Маг». В честь «Голубого зайца» назван просветительский паблик о сербском языке и культуре «Плави зец», созданный в 2017 г. филологом, преподавательницей ШЮФ МГУ Ольгой Новожиловой. Стихотворение Радовича приведено в паблике в переводе Т. Макаровой.

*А.В. Злочевская,
докт. филол. наук,
ст. научный сотрудник*

Еще один шиллеровский мотив в «Братьях Карамазовых»:
Франц Моор – Смердяков
(опыт контактно-типологической параллели)

Доклад посвящен анализу контактно-типологической корреляции образов *Франца Моора – Смердякова*. Ф. Шиллер – один из бесспорных и вечных кумиров Ф.М. Достоевского, а шиллеровская реминисцентная линия – одна из доминантных в его творчестве. Исследована она в научной литературе настолько подробно, детально и досконально, что добавить здесь что-либо, казалось бы, уже невозможно. Одна данная типологическая параллель, насколько мне известно, не была отмечена нигде, в том числе и в классическом труде Н.Н. Вильмонта «Достоевский и Шиллер».

Одна из особенностей данной параллели в том, что если большинство реминисценций из произведений немецкого гения у Достоевского носят характер благородно-возвышенный, символизируя все «высокое и прекрасное», то здесь перед нами редкий пример, когда аллюзия на Шиллера подсвечивает образ персонажа «низкого» – Смердякова.

Основания для проведения такой параллели дают прежде всего характеристики общего порядка: оба, и Смердяков, и Франц Моор, отвратительны внешне и оба совершают один из самых страшных грехов – отцеубийство; наконец, оба кончают собой, повесившись. Но главное, что объединяет обоих персонажей, это демоническое по своей природе отношение к Богу: они ощущают Его присутствие, но страстно желают, чтобы Бога не было. Оба, Смердяков и Франц Моор, не боятся Бога, как и должно христианину, ибо «Начало мудрости – страх Господень», говорит Библия, – но страшатся Его. Оба злодея, Шиллера и Достоевского, спасаясь от настигшего их обоих Бога, кончают собой.

Типологическая параллель образов отцеубийц *Франца Моора – Смердякова* выстраивается по модели схождения – расхождения. Отличие прежде всего в том, что, Франц – преступник, идеолог и практик в одном лице. Шиллеровский злодей – личность целостная и внутренне, психологически бесконфликтная. Это законченный злодей. В случае с русским преступником все сложнее: ему нужна санкция истины на его преступления.

Аллюзия образа одного из сыновей Федора Карамазова на Франца Моора возникла еще в главе «Зачем живет такой человек?», однако, в соответствии с законами детективного жанра, адресат этой аллюзии сперва был назван ошибочно – Иван. Настоящий отцеубийца обнаружился лишь в конце – в главе «Третье и последнее свидание со Смердяковым». Тогда же проясняется и главная связующая нить между отцеубийцами Францем Моором и Смердяковым – это демоническая модель отношения к Богу: «и бесы веруют, и трепещут», как сказано Священном Писании.

Данная контактно-типологическая параллель обнаруживает сущность того общего, что связывает эти две знаковые фигуры мировой литературы XIX в., – способность видеть религиозно-мистический подтекст явлений и событий.

*В.Г. Моисеева,
канд. филол. наук,
ст. научный сотрудник*

ГЕРОЙ И АВТОР В РОМАНЕ М. ЕЛИЗАРОВА «ЗЕМЛЯ»

На творчество М. Елизарова в основном отзывается критика. Литературоведы, как нам представляется, недооценивают тот материал, который предлагает проза Елизарова. По крайней мере серьезных исследований творчества этого писателя до сих пор нет, хотя он является заметной фигурой на литературном пространстве в течение довольно долгого срока – почти 20 лет.

При определении художественного стиля Елизарова чаще всего проводятся сопоставления с В. Сорокиным (внимание обращается на очевидную телесность прозы обоих). М. Липовецкий относит Елизарова к числу писателей, дебютировавших в конце 1990-х – начале 2000-х гг., которые предприняли попытку придать новую динамику **концептуализму**; называет автором постмодернисткой выучки¹.

Характеристика, предложенная М. Липовецким, вызывает несколько вопросов: насколько можно говорить о Елизарове как о постмодернисте, оценивая не набор используемых художественных приемов, а мировоззрение? Насколько возможно говорить о нем как о представителе концептуализма?

На наш взгляд, эти характеристики требуют уточнения, поскольку Елизаров работает уже не только с советским мифом, но и с постмодернистским, гротескно пародируя приемы постмодернистского письма.

Во всех своих произведениях Елизаров использует разные повествовательные стратегии, служащие опознавательными знаками различных жанровых форм. Например, в романе «Библиотекарь» – конспирологического триллера, соцреалистического производственного романа, романа-биографии и др. В новом романе писателя «Земля» (2020) присутствуют черты романа-биографии, романа воспитания, любовного, философского и даже производственного; в редакционной аннотации роман назван первым масштабным осмыслением «русского танатоса». Такой жанровый синтез позволяет достичь многомерности изображения и, естественно, непосредственно реализуется в повествовательной структуре.

¹ *Липовецкий М.* Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М., 2008. С. 245.

В романе «Земля» повествование ведется от первого лица. Главный герой – Вадим Кротышев, в образе которого находим автобиографические детали (жизнь в провинциальном городке, служба в стройбате). Однако Вадима Кротышева нельзя назвать автобиографическим героем: очевидна дистанция между сюжетным героем и автором. Сложнее устанавливаются границы между героем-повествователем и автором.

Повествование о прошлом ведется неизвестно из какого времени, поскольку роман оборван по полуслову. Критики и читатели воспринимают роман как часть трилогии, о чем однажды обмолвился автор. Однако после выхода произведения в свет автор не опровергает, но и не подтверждает, что планирует продолжить историю Вадима Кротышева.

По ходу развития сюжета герой эволюционирует, но это эволюция, определяемая обстоятельствами, а не выбором героя. Он наблюдатель, идет след в след за теми символами, которые раскрывает перед ним судьба / жизнь. Понимание этих символов мы видим у героя-повествователя, того, о чьей судьбе мы не знаем, так как завершение пути героя за пределами романа.

Неинтересность, усредненность фигуры героя переключает внимание читателя с самой истории героя (с сюжетного психологического плана) на план повествовательный (как рассказывается), описательный (реалии окружающего героя мира), что, как нам представляется, и было задачей автора.

Елизаров в разных интервью говорит о ритме произведения, определяющем его восприятие, о необходимости создания произведения, возвращающего читателя, привыкшего в «экстенсивному» восприятию текста (на уровне сюжета), к интенсивному (религиозному) чтению

Герой идет за своей судьбой, читатель – за автором. Герой учится понимать знаки жизни, читатель – постигать смысл словесных знаков; происходит своего рода инициация читателя, выстраивается диалог автора с ним как бы поверх истории героя, внутри повествовательной структуры.

Предложенный нами взгляд на роман «Земля» объясняет, почему для Елизарова вопрос о продолжении проблем: если следовать выбранной модели, в конечной точке должны совпасть автор и повествователь, уместнее даже сказать нарратор, что противоречит форме повествования от лица вымышленного героя, не являющегося автобиографическим.

*Е.А. Певак,
канд. филол. наук,
ст. научный сотрудник*

ЭТИКА И ЭСТЕТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В докладе рассматривается соотношение этического и эстетического в практике современных русских писателей и других представителей творческой интеллигенции, столкнувшихся с бытующими ныне в обществе жесткими запретами этического характера. Складываются парадоксальная ситуация: такого рода запреты обуславливаются требованиями соблюдения прав личности, сопровождаемая отказом от традиционных моральных норм (в этом смысле художнику все позволено), которые заменяются многочисленными правилами политкорректности,

значительно ограничивающими творческую свободу. В связи с этим возникает ряд вопросов, актуальных при сложившейся ситуации, которую один из участников развернувшейся полемики (К. Богомолов) охарактеризовал как «Новый этический рейх».

1) В какой степени свобода творчества защищена личными представлениями автора о природе человека, его правах и обязанностях в отношении мира и социума, то есть его, авторским этическим кодексом.

2) В какой мере свободен автор от того, что ему предлагается или навязывается политическими или общественными институтами?

3) Стоит ли мириться с тем давлением, которое оказывают на автора коммерческие издательские структуры, или пул критиков, или «корпоративная» этика литературных группировок?

4) Изменение политических взглядов, моральных установок автора, то есть изменение авторского этического кредо, автоматически влечет за собой изменение эстетических принципов? Или действует схема, предложенная Пушкиным: «Пока не требует поэта...»

*О.В. Розинская,
канд. филол. наук,
ст. научный сотрудник*

РУССКО-ПОЛЬСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В МЕЖВОЕННОЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ. ВАРШАВСКИЙ КРУГ Д.В. ФИЛОСОВОВА

Варшавский период жизни Д. Философова был согрет искренней дружбой и тесными творческими контактами со многими представителями польской литературной и интеллектуальной элиты. Он был одним из немногих русских эмигрантов, имевших столь тесные связи с польской литературной средой. В его ближний круг входили такие знаменитости, как Мария Домбровская, Зофья Налковская, Мария и Юзеф Чапские, Станислав Стемповский и многие другие.

С первых дней своего пребывания в Польше он был вовлечен в политическую деятельность, стал редактором иммигрантских газет «Свобода», «Меч» и «Молва». В течение двадцати лет на страницах этих изданий он публиковал политические статьи и литературные исследования. Именно в этот период в нем ярко проявился талант публициста, остро реагировавшего на самые важные проблемы современной жизни. Философов участвовал во многих литературных спорах, ведущихся в межвоенной Варшаве, писал статьи, посвященные проблемам польской литературы и искусства, польско-русским литературным связям. Этому способствовали тесные контакты с польской интеллигенцией и великолепное знание польского языка. Его публикации находили отклик в польской прессе, в полемику с ним вступали известные литературные критики и писатели. О своей поддержке Философова заявляли известные польские литераторы (Мария Домбровская и Зофья Налковская). В их дневниках отражены встречи с этим человеком. Такие известные польские деятели, как Юзеф Чапский и его сестра Мария, скрасили непростые последние годы его жизни, помогали ему выжить. Интересной инициативой Философова было проведение в 1934–1936 гг. литературных вечеров

под названием «Домик в Коломне», в которых принимали участие многие видные представители польской интеллигенции. Он был одним из немногих русских эмигрантов, имевших столь тесные связи с польской литературной средой.

*В.В. Сорокина,
докт. филол. наук,
ст. научный сотрудник*

ЖАНРОВЫЕ МОДИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ О ЖИВОПИСЦАХ

В современной литературе продолжает развиваться традиция обращения писателей к личности и творчеству, как правило, наиболее знаменитых художников. Их произведения не претендуют на создание нового образа или предложение иной концепции творчества, а, скорее, на попытку выразить свой духовный мир, нарисовать свой собственный портрет. Явление это вполне вписывается в тенденцию поиска новых форм выразительности, привлечения нетрадиционных приемов создания художественного образа, что приводит к значительным видовым изменениям. Тенденция взаимодействия литературы с другими, не универсальными видами искусства: живописью, музыкой – сохраняется в современном культурном пространстве и проявляется, в частности, в поиске новых форм. Благодаря им авторы создают иную реальность, в которой возможны ситуации, несвойственные современной действительности.

В последние годы появилось значительное количество книг, авторы которых, экспериментируя с прозаическим текстом, обращаются к образам визуального искусства. Среди них и русские писатели: Э. Лимонов, А. Королёв, В. Маканин, А. Илличевский, – и западноевропейские: Дж. Барнс, Б. Мёрфи, Б. Шлинк, Ж.-М. Генассия.

В итоге интерес современной литературы к визуальным видам искусства остается прежним, а произведения обретают свойства размытых жанровых границ, смежных жанровых форм, слияния художественного и нехудожественного текстов и жанров. Отсюда роман – сборник очерков, роман-путеводитель, роман-расследование, роман-реферат, роман-сценарий. На этом видовая изменчивость художественной прозы вряд ли остановит свое развитие.